

РАЗГОВОРЫ О ВАЖНОМ: КУЛЬТУРА, ЦЕННОСТИ, НАСЛЕДИЕ

CONVERSATIONS ABOUT THE IMPORTANT:
CULTURE, VALUES, HERITAGE

Одной из ключевых составляющих деятельности ученого является рефлексия, которая обеспечивает критический анализ методологий, идей и ценностей, лежащих в основе исследовательской работы. Научному сообществу рефлексия позволяет не только фиксировать достижения, но и осмысливать ошибки, трансформируя их в «коллективную память» науки. Такие нарративы фиксируют не только интеллектуальные достижения, но и человеческий контекст исследовательской работы: эмоции, конфликты, сотрудничество, дружбу. Они актуализируют роль наставничества, междисциплинарного диалога и этических принципов, что особенно важно в эпоху глобальных вызовов, испытывающих академическое сообщество на способность к кооперации. Кроме того, они иллюстрируют эволюцию научных парадигм, показывая, как личностное взаимодействие влияет на выработку исследовательских идей и построение соответствующих нарративов, формируя тем самым гуманитарную науку как живое, этически осознанное и антропоцентричное пространство.

Обращаясь к этой сложной и интересной теме, наша редакция публикует беседу Натальи Львовны Пушкаревой, доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, президента «Российской ассоциации исследователей женской истории», главного научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН и Надежды Хаджимерзановны Орловой, члена Редакционного совета журнала «Наследие веков», доктора философских наук, профессора Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова.

Н. Л. Пушкарева, специальный гость нашей редакции, является ведущим специалистом в области исторической феминологии и истории женщин в России. Окончив исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, она стала пионером в разработке гендерного подхода в отечественной историографии.

Основная сфера научных интересов Натальи Львовны — социальная история, повседневность, правовой и культурный статус женщин в России от Средневековья до современности. Ее монографии («Женщины Древней Руси», 1989; «Частная жизнь женщины в доиндустриальной России», 1997; «Гендерная теория и историческое знание», 2007) заложили основы для изучения «женского измерения» российской истории. Она впервые системно исследовала такие темы, как брак, материнство, этнология русской семьи, насилие в контексте традиционной культуры. Работы Натальи Львовны, переведенные на иностранные языки, способствовали диалогу между российскими и зарубежными исследователями. Сегодня ее деятельность играет важную роль в развитии антропологических исследований в России, отражая в том числе важность междисциплинарности и этической рефлексии в научном познании.

Специальный гость:

ПУШКАРЕВА Наталья Львовна

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник, заведующая
Центром гендерных исследований
Института этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
pushkarev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6295-3331

Собеседник:

ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна

доктор философских наук, профессор кафедры
общественных и гуманитарных наук
Санкт-Петербургской государственной консерватории
имени Н.А. Римского-Корсакова,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
ведущий научный сотрудник Научно-
образовательного центра «Гуманитарная урбанистика»
Новгородского государственного университета
имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Российская Федерация
nadinor@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3956-9574

УДК: 001.83+323.329-055.2+347.156

ГРНТИ: 13.11.25

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.003

Родство по свойству служения науке: о жизни академического сообщества (беседа Натальи Пушкаревой и Надежды Орловой)¹

Беседа двух представительниц современного академического сообщества затрагивает проблемы, связанные с ролью женщин в науке, исторической памятью и личным опытом ученых. Актуализируется тема гендерной асимметрии в сфере научной деятельности. Приводятся примеры женщин-ученых, внесших значительный вклад в развитие научного знания, но имена их зачастую известны только узкому кругу специалистов. Констатируется необходимость интеграции женских имен в учебные программы и научный дискурс. Обсуждается совмещение женщиной научной карьеры с семейными обязанностями. Собеседницы подчеркивают роль наставников (на примере философа Игоря Кона) в профессиональном становлении и доступе к «социальным лифтам» науки. Отмечается, что служение науке связано с патриотизмом: верность знаниям и идеалам трактуется как вклад в развитие страны. Беседа сочетает академическую дискуссию с личным опытом, демонстрируя, как научная этика, смелость и преемственность идей способствуют переоценке роли женщин в науке.

Ключевые слова: И. С. Кон, российская наука, научное сообщество, гендерные исследования, гендерная асимметрия, патриотизм, Российская академия наук, Российская ассоциация исследователей женской истории.

¹ Текст опубликован как часть проекта Российского научного фонда # 24-78-10005 «Женский голос российской науки».

Беседа записана 7 ноября 2024 г.

Н. Х. Орлова: Добрый день, моя дорогая Наталия. Мы будем на «ты», правильно, ведь?

Н. Л. Пушкарёва: Ну, конечно же! Не будем скрывать, что мы знакомы сто лет.

Н. Х. Орлова: Согласна. Кстати, о знакомстве. Поскольку я с тобой познакомилась раньше, чем ты со мной, то, наверное, с этой истории и начнем. Было это давно, в 1990-е гг. Я работала тогда психологом в социальном центре, и меня отправили на отдых в санаторий «Сестрорецкий курорт» с чудной библиотекой. Вот, пошла я в эту библиотеку, уверенная, что буду здесь с вдохновением работать над диссертацией. Но там нашлась по моей теме только одна небольшая книжка. И автором ее была Наталья Львовна Пушкарёва! Это «Женщины Древней Руси» [16]. Именно с этой книги началось мое – еще заочное – знакомство с тобой.

Н. Л. Пушкарёва: Ты никогда не рассказывала, что нас познакомила та моя многострадальная монография! Я ее писала семь лет, сначала в аспирантуре, потом после нее, ежедневно выдвигаясь в Архив древних актов, потом долго мучила обсуждениями с коллегами и исправлениями. Зато, когда ее наконец издательство «Мысль» выпустило в свет, то она собрала большой тираж – 100 тысяч экземпляров по заявкам от читателей. Потому она и оказалась, думаю, в той самой Сестрорецкой библиотеке... «На Сестрорецкую состав отправится...». С моей книжкой...

Н. Х. Орлова: Я считаю, что это было очень счастливое знакомство, как говорят – «легкая рука». Автор книги – Н. Л. Пушкарёва – стала моим незримым соратником в размышлениях о темах, связанных с мужским и женским в культуре повседневности. Особенной была и наша первая очная встреча на конференции в Петрозаводске¹. С этого момента мне думалось, что я не пропущу ни одной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), но пока

удалось совпасть только в Череповце, Твери и Калининграде. Я тебе признательна за возможность участвовать в этих масштабных и умных событиях. К сожалению, реальная жизнь, в том числе научная, диктует нам свои расписания и маршруты.

Н. Л. Пушкарёва: К этому я могу только добавить, что ведь и я поначалу не знала круг твоих интересов, Наденька. И с этим кругом интересов, и с тем, что у меня есть единомышленница, меня познакомил мой учитель, мой гуру – человек, который, в общем-то, в известной степени повлиял на очень большую, значительную часть моей жизни. Ты понимаешь, о ком я – это академик Российской академии образования, доктор философских наук Игорь Семёнович Кон, имя которого, конечно, знает любой гуманитарий, любой психолог, любой философ или социолог. Кстати вот, вспомнила... Как-то, находясь на гендерной школе в Форосе и лежа на пляже, я спросила Игоря Семёновича: «Если бы Вас спросили, кто Вы по специальности, Вы бы что ответили?». Он усмехнулся: «Ну, Наташ, не стану же я говорить, что я – философ. Наверное, надо сказать, что я – социолог. Это проще, лучше воспринимается!». Я неоднократно потом вспоминала о том разговоре, когда меня спрашивали: «Скажите, Вы – феминистка?». Феминистская философия мало кем понята в нашей гуманитарной науке. Так что о себе я говорю: «Изучаю мировую историю женщин!». Я начала с женщин Древней Руси и впоследствии занималась всю жизнь женской темой. Когда заходит разговор не с коллегами по профессии, а с теми, с кем случайно столкнула жизнь, часто говорю теперь о себе «социолог». Это удобнее, легче. А когда говоришь «историк», рассказываешь, что собираешь в архивах факты из старых документов, как жилось женщинам три-пять веков назад, то удивляются: «И за что только вам деньги платят?».

А когда скажешь «социолог» – звучит более весомо.

Так вот, конечно же, именно Игорь Семёнович, знавший меня с детства (он был знаком с моей мамой, Ириной Михайловной Пушкарёвой, с 1951 г. – она тогда только-только

¹ Имеется в виду международная конференция «Женская и гендерная история Отечества X–XXI вв.: новые проблемы и перспективы», которая состоялась в Петрозаводске 19–21 июня 2009 г. (см. [1]).

закончила истфак МГУ и приехала к общим с И. С. Коном знакомым в Ленинград), способствовал нашему с тобой более близкому знакомству. Это он поведал мне, что в родном Ленинграде есть человек, который занимается кругом проблем, которые мне интересны.

Случилось это в те самые «гендерные 90-е» [2], уже создавались научные центры и лаборатории, обратившие внимание на проблематику социального пола, его культурных составляющих, уже проводились независимые женские форумы в Дубне (собиравшие первых создательниц низовых женских клубов и организаций), первые выставки, посвященные женскому голосу в изобразительном искусстве [18], но я в начале 1990-х лишь только слышала о них. Я писала докторскую... И писала я ее прежде всего как историк. Перелопатила горы архивного материала, добилась возможности собрать историографический материал в наших и зарубежных библиотеках и, наконец, защитилась в 1997 г. [15]. Четверть века тому назад женщина – доктор наук, защитившая диссертацию до 40 лет, – считалась выскочкой, научной парвеню... Но у меня в тот год вышло сразу 3 монографии [19] [20] [27] – и это в докомпьютерную эпоху или, пожалуй, в раннекомпьютерную, – и результаты моей работы научный синклит, хоть и нехотя, но признал.

В смысле хронологии я шла от древнерусской истории к петровской, потом – к екатерининской эпохе, от них – к XIX столетию. После защиты я стала двигаться в изучении российской женской истории дальше – и так приблизилась к твоим научным интересам!

Конечно же, я знала, что ты собирала материал, связанный с историей русской эмиграции, с теми ее женскими фигурами, которые особенно важны для понимания отечественного прошлого, понимала и разделяла твое желание выделить эти имена, продвинуть их в учебную литературу и историописание, показать их значимость. От Игоря Семёновича Кона я узнавала новости о тебе, о том, что твой круг интересов охватывает русскую философию начала XX века, тему брака и семьи в нашей отечественной философии [9].

Те, кого выделял Игорь Семёнович среди молодых и старших, историков и не-исто-

риков, социологов и психологов, деятелей искусства и журналистов, автоматически становились значимыми и для меня. Тому способствовала тесная связь между нашими семьями: мама, знавшая Игоря Семёновича с той памятной встречи в Ленинграде, дружила с ним и с тем человеком, который тоже эту дружбу пронес через всю жизнь. Это мой крёстный папа – Аполлон Борисович Давидсон – ныне он действительный член РАН, африканист, а 75 лет назад все трое были молоды, остроумны и красивы. С Аполлоном Борисовичем мама связана и сейчас (обоим далеко за 90), оба дружили с Игорем Семёновичем сначала в Ленинграде, потом в Москве.

Мама моя, приезжая в Ленинград, обычно останавливалась у Давидсонов в доме. Тогда еще не было принято, как сейчас: ездить, каждый снимает себе ту гостиницу, которую нужно, живет... даже не позвонив и не сообщив, что приехал... В научном мире было принято по-другому полвека назад: приезжали поработать в архивах, ночевали, останавливались друг у друга, уезжали, потом другой человек приезжал и так далее. Это было нормой.

Так что даже когда И. С. Кон жил в Ленинграде (еще не ставшем Санкт-Петербургом), я знала, что у мамы в северной столице есть близкие люди – Игорь Семёнович и его мама Евгения Генриховна, я знала от нее о том, что И. С. – необычный человек, знающий множество языков, которые он выучил сам, без учителей, просто работая со словарями. Впоследствии родительница моя (сама, между прочим, доктор наук) способствовала переезду и Аполлона Борисовича с его мамой в квартирную часть Главного здания МГУ на Воробьевых горах, и Игоря Семёновича (тоже с мамой) в Москву. И. С. Кону понравился наш дом – кооператив «Работники АН СССР», мама в те годы была в его жилищной комиссии... Ну он и поменял свою ленинградскую квартиру именно в этом кооперативе, стал жить рядом с нами, в соседнем подъезде.

Н. Х. Орлова: Я была у него в гостях и помню... Книжки повсюду, стол, повернутый боком к окну... Репродукции импрессионистов на стенах...

Н. Л. Пушкарёва: Да, ты помнишь его «двушку» в нашей сталинке? Это соседний

подъезд, мы были на одном уровне, на одном этаже в разных подъездах. Жили совсем, совсем рядом. Парадоксальность была в том, что маму он называл Ира, на «ты»; моего сына Тёму, выросшего на его глазах (он 1983 года рождения), тоже на «ты», но меня всегда – «Наташа, Вы». Эта дистанция, может, мешала слишком уж близким каким-то отношениям, это были отношения именно Учителя и робевшей рядом ученицы. Конечно, отношения с моей мамой и Тёмой, моим сыном, – они были другого характера: мама решала за И. С. все бытовые вопросы (не без вздоха), а к Тёмке Игорь Семёнович после смерти Евгении Генриховны очень тянулся, заходил к нам со словами «Где мой внук?» (и осторожно спрашивал, не ревнует ли мой папа на такие его вопросы и отношения).

Ну, а для меня размышления Игоря Семёновича были всегда поводом задуматься о чем-то, чего порой я не замечала. Теперь понимаю, как ненавязчиво он направлял меня по жизни. И в конечном счете, я бы сказала, что главное, чему научил меня Игорь Семёнович (у меня самой уже есть немало учеников, защитивших диссертации – и кандидатские, и докторские, скоро их будет два десятка), – это... не бояться. Не страшиться новых тем, обещающих острые споры, не прятаться за псевдонимами. Учителей у меня несколько – археолог Валентин Лаврентьевич Янин (тоже член большой Академии) – он взял меня с «женской» темой, когда все от нее отказывались... Это и профессор Юрий Львович Бессмертный из Института всеобщей истории – он меня вывел на тему повседневности. А Игорь Семёнович, который много со мной общался, научил именно научной смелости. Научил братья за те аспекты, которые могут вызывать неудовольствие, сопротивление, осуждение, смех, в конце концов. Научил держаться. Держать удар. Он, конечно, человек, который меня сформировал.

Н. Х. Орлова: Это созвучно в полной мере и моим ощущениям от встречи и дружбы с ним. Хотя, конечно, нас не так много лет связывало. В декабре 2004 г. я была командирована в Москву, чтобы завязать знакомство с Игорем Семёновичем Коном и пригласить его как специального гостя на намечавшуюся

в 2005 г. конференцию «Мужское и женское в культуре» в рамках программы Центра современной философии и культуры СПбГУ при содействии Санкт-Петербургского философского общества и института философии РАН. Я была в то время еще совсем неизвестной докторанткой, увлекшейся модными на тот момент темами, но в его обстоятельном ответе на мое письмо с просьбой о встрече были и благодарность за приглашение, и подсказки, как возможно с ним встретиться в Москве, и даже примерная тема доклада. Я выбрала вариант встречи в Библиотеке иностранной литературы, где он должен был читать публичную лекцию. Сохранилось несколько фотографий.

Н. Л. Пушкарёва: Он любил там выступать... В «Иностранке».

Н. Х. Орлова: Игорь Семёнович – удивительный по сердечности и такту человек. Он помнил, что где-то в зале сидит барышня из Петербурга, и в перерыве уже внимательно слушал про ее прожекты. И Игорь Семёнович сказал: «Да, хорошо, я приеду». Причем на мое «не согласитесь ли быть Председателем оргкомитета?» он ответил: «Ну что Вы, ну какой же я председатель? Не приучайте Вы себя к этим свадебным генералам. Вы занимаетесь этой конференцией, значит, Вы должны быть председателем оргкомитета». Я усвоила этот урок достоинства. Много самых разных конференций после этого организовывала, но никогда не приглашала «свадебных генералов». Игорь Семёнович тогда особое внимание уделил моему мужу (мы вместе приехали). Поблагодарил за то, что тот меня сопровождает, за то, что мой муж интересуется темами, которыми занимаюсь я, что он мой соратник. Наташа, знаешь, с того времени и в личных встречах, и в переписке Игорь Семёнович всегда спрашивал: «Как ваш супруг [он запомнил его имя], он все так же где-то рядом с вами и вам помогает?». Для него было характерно такое особенное отношение к людям, которые, казалось бы, не имеют никакого значения в его профессии... Как важна такая теплота и сердечность! Причем на нее тратится ведь очень мало времени и энергии, но она попадает точно в сердце. Вообще, мудрых уроков от него было много. Были и шуточные уроки-притчи.

Как-то он приехал на нашу конференцию, а я тогда на философском факультете СПбГУ руководила образовательной программой. Пожаловалась ему, что пришли какие-то бумаги, в которых не вижу какого-то смысла, а надо тратить время на них. Он мне ответил: «Когда-то меня научили [кто-то, кого он воспринимал с пиететом, как учителя]. Вот приходит бумага, я на нее смотрю и даже не читаю, не вчитываюсь, а сразу ее кладу в нижний ящик стола. Если она придет второй раз, я ее прочитаю и уже положу сверху на стол, но никаких действий не предпринимаю. А вот если она придет третий раз, я по ней уже начинаю работать. Вы знаете, Наденька, я ведь стал это применять в своей жизни и обнаружил, что... львиная доля бумаг не нуждается в наших затратах. Не приходит иногда ни вторая, ни третья».

И еще один хороший урок. Как-то я к нему приехала со своей монографией. Игорь Семёнович меня пригласил к себе домой, мы там чаевничали, было много всяких разговоров. Он взял в руки мою книгу и сразу же стал смотреть список источников. Смотрит и говорит: «Наденька, знаете, я в первую очередь смотрю сюда. Вот если здесь есть источники, которые в руки не брал, не видел, не знаю про них, не читал, тогда книгу в свою библиотеку возьму».

Н. Л. Пушкарёва: Удивительно, но все то же самое прошла я с Коном, хотя наши научные отношения нигде и никак не были оформлены, то есть я не могла считаться его ученицей, потому что заканчивала МГУ как историк, у меня должен был быть научный руководитель из тех, кто преподавал в МГУ, и поэтому им стал Валентин Лаврентьевич Янин. Далее я работала в Секторе этнографии восточных славян Института этнологии, а Игорь Семёнович – в другом подразделении, так что у меня консультант по докторской был из моего Сектора. Настало время защиты второй диссертации, я спросила: «Игорь Семёнович, ну Вы же не откажетесь быть оппонентом?» Он посмотрел мой текст в распечатке и сказал: «Наташа, это что ж такое? В огромном списке литературы только одна моя работа. Это как может быть? И какая-то совершенно незначимая, где Вы вообще ее нашли? Такое ощущение, что вся

вот эта библиотека, которую Вы прекрасно знаете, в которой свободно ориентируетесь, знаете, где у меня тут что стоит... она как будто прошла мимо Вас, как и все написанное мною. Запомните: если у Вас есть с кем-то научные отношения, нужно уметь показать свое уважение к свершенному этим человеком, к кругу его интересов, его публикаций (особенно новейших!). Это и есть научная этика. Странно, что Вам это никто не объяснил до защиты!».

После такого разговора я, конечно, срочно вставляла ссылки на Кона и на всех других оппонентов. Этот урок я всегда теперь транслирую своим ученикам. Всем рассказываю, как важны ссылки на научного руководителя, на оппонентов, точно так же поступаю с пришедшими мне диссертациями на оппонирование или монографиями на рецензирование.

Считаю так: если люди на меня не ссылаются – значит, просто плохо информированы, это показывает недостаток историографических знаний, слабую ориентированность в работах предшественников. Значит, тогда и рукопись недостаточно совершенна, правильно?

Н. Х. Орлова: Ну и этически, как обращаться с просьбой об оппонировании, рецензировании, если ты не посчитал для себя возможным указать рецензента в списке литературы.

Кстати, к этому примыкает важная тема – цитирование. Почему вообще механизм ссылок на женские работы такой ограниченный? Конечно, если попал в некий шорт-лист, как сегодня модно говорить, тебя автоматически, как Платона-Аристотеля, упоминают, даже не читая. И это традиция, исторически сложившаяся в академическом сообществе. При этом даже в дневниках и письмах в описании научных событий чаще фиксируются имена мужские. В этой связи сошлюсь на наш совместный с коллегой из Зеленогурского университета (Польша) исследовательский проект «Второй план: женщины в русской философии»¹. Благодаря проекту удалось не только собрать материал о многих незаслуженно

¹ Речь идет о международном исследовательском проекте «Drugi plan: kobiety w filozofii rosyjskiej» (2018–2021), который был профинансирован Польской академией наук.

забытых именах, но и показать, как на рубеже XIX–XX вв. академическое сообщество включало в свои границы ученых женщин. В рамках проекта мы опубликовали внушительное число статей и семь книг [3] [4] [5] [7] [23] [24] [25]. Примечательно, что в них огромный корпус свидетельств того, как наши героини сами тяготели к цитированию именно мужских имен и оставляли за кадром женские. Мне кажется, что эта традиция сегодня функционирует приблизительно так же: мы не торопимся цитировать женщин-коллег. Да, сегодня нас – женщин в науке – стало больше, мы так или иначе вынуждены «замечать» друг друга. Особенно в тех сферах, где представлены больше именно женские имена.

Н. Л. Пушкарёва: Наденька, у меня есть ответ. Может быть, потому что у меня так называемый Хирш высокий (по РИНЦ 49, по e-library 50) плюс 10 тысяч или даже больше, 11 тысяч цитирований разных моих работ, у меня есть подозрение, что если тебе удастся войти в какой-то круг часто цитируемых авторов, то те, кто переписывает друг у друга (а это люди, в основном, не бравшие моих работ в руки), так или иначе на меня сошлются.

Тема цитирований болезненная.

В целом, вообще в мировой науке, женщин цитируют меньше, чем мужчин. Это абсолютно для всех наук актуально. Не так давно оппонировала диссертацию в Высшей школе экономики, которая была посвящена как раз вот этой библиометрии и гендерным ее аспектам и тому, насколько в разных науках мало действительно женских имен и мало ссылок на женщин-авторов. Действуют гендерные стереотипы: мужское знание, мужское слово считаются статусными, значимыми. Эта болезнь – часть мировой науки. Что мы можем этому противопоставить? Своих учениц я стараюсь ориентировать на то, чтобы они друг друга цитировали и друг на друга ссылались. Это очень важный момент. Еще такой момент... В негуманитарных науках масса статей публикуется с целым списком авторов, иногда это 10 человек. Вот у нас работает член-корреспондент РАН Марина Львовна Бутовская, она печатается вместе со своими «птенцами» в самых престижных изданиях – и практически

всегда число авторов, где она во главе списка (конечно), очень велико.

Н. Х. Орлова: Да, я с ней встречалась.

Н. Л. Пушкарёва: Кстати, Марина Львовна совершенно не разделяет гендерную концепцию, что не мешает нам с нею быть в очень хороших отношениях. Она сказала мне в конце интервью, которое я брала у нее как у успешной женщины-ученой: «Гнобят всегда талант в науке, а ты все гендер, гендер...». То есть не о половой принадлежности речь, а о том, что талантливым людям завидуют и пытаются удержать их, как говорится, «за фалды», не давать прорываться на научный Олимп... Биолог по базовому образованию, Марина Львовна всегда пытается своих учениц опубликовать в значимых журналах, типа «Nature», с гигантскими аудиториями и рейтингами. Это, конечно, первый квартиль, или ныне, как говорится, «белый список». И Марина упорно подтягивает всех девочек, которых она воспитала, на новые научные ступени. Но в наших с тобой, Наденька, науках – в истории и философии – этот номер не пройдет. Мы таких статей просто не видали в журналах наших. Четыре-то автора – и то выглядят странно. А уж чтобы их было 10 человек на какую-нибудь одну публикацию, невозможно себе и представить.

То есть вот эти практики, характерные для определенных областей знаний, они тоже действуют... а где-то не действуют. Кроме того, до поры до времени женщин значимых, с большими научными погонами было не так много. И поэтому, естественно, в целом, когда мы ссылаемся на наших предшественников, это в основном мужские имена.

Вот даже такой тебе пример приведу. Все ли знают, кто была первой среди женщин, получившей звание члена-корреспондента Российской академии наук? Было это еще в конце XIX в.

Н. Х. Орлова: Любименко, нет?

Н. Л. Пушкарёва: Нет-нет, еще до Инны Ивановны Любименко, я тебя умоляю, гораздо раньше. Я говорю о дочке Измаила Ивановича Срезневского, автора знаменитого «Словаря», которым пользуемся мы все уже полтора века, – это Ольга Измаиловна Срезневская (1845–1930). Когда ее знаменитый бородатый папа умер в 1880 г., она в полной мере проя-

вила свои таланты, в том числе в знании языков и написании научных статей. Именно она готовила к публикации «Словарь древнерусского языка», и за беззаветную преданность этому делу филологи ее избрали членом-корреспондентом Академии наук в 1895 г. Получившая домашнее образование, свободно писавшая на нескольких языках, Ольга Измаиловна Срезневская – первая женщина – избранный член-корреспондент Академии... (ставшая действительным членом Академии в том же году Прасковья Сергеевна Уварова, подготовившая организационно несколько археологических съездов, удостоена звания «почетного члена», а О. И. Срезневская была именно избрана).

И вот тут я обращаю внимание, почему мы знаем фамилию Срезневского и ссылаемся на его знаменитый «Словарь»? Только потому, что его незамужняя дочь продвинула имя отца и способствовала изданию его огромного труда, даже не задумавшись о том, что в эту публикацию она сама вложила жизнь и судьбу. Про Ольгу Измаиловну ничего-то мы не знаем. Не помним. Вот парадокс.

Женские имена, прославившие русскую науку, не вспоминает отечественное историописание, не знают учебники, не слышали никогда студенты...

Н. Х. Орлова: Вот, кстати, и Клавдия Флоровская, о которой вышла наша книга в польском проекте. Мы тоже о ней узнаём благодаря именам ее брата – философа Георгия Флоровского и ее друга – историка Петра Михайловича Бицилли, по рекомендации которого в 1919 г. она состоялась как первая женщина-доцент в Новороссийском университете.

Н. Л. Пушкарёва: Ничего себе!

Н. Х. Орлова: Да, мы о ней узнаём исключительно по именам значимых мужчин. К слову, в судьбе некоторых Клавдия Флоровская сыграла важную роль. Например, из ее переписки мы знаем, что она, находясь в Болгарии, в Софии, конспектировала для своего младшего брата Георгия Флоровского научную литературу, посылала ему в Прагу, где он работал над диссертацией. Клавдия подбирала книги, конспектировала, с ним обсуждала, его подбадривала. Георгия Флоровского мы все знаем как одного из ведущих русских фи-

лософов, как специалиста по патристике, его труды встроены в учебники. Петра Бицилли мы тоже знаем как одну из ведущих фигур в русской исторической науке. А вот Клавдия Флоровская, блестящая ученица Гревса, которую он рекомендовал оставить на кафедре для получения ученой степени, ее имя сохранилось лишь в тишине эпистолярного наследия. Конечно, во многие судьбы вмешались исторические сломы: собранные Флоровской накануне революции материалы ее диссертации были утрачены в эмиграционных маршрутах... На самом деле много таких героинь.

Я считаю своей миссией – знаю, что ты тоже этой миссии служишь, – возвращать их имена и тексты в культурную память, в академическую память, в университетскую память, в учебники и программы, возвращать этих скромных тружениц науки, которые на самом деле сыграли в жизни многих мужчин ключевую роль. Кстати, думаю, что могу себе поставить в заслугу то, что в портретной галерее Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) среди портретов тех, кто сделал вклад в становление этого замечательного учреждения, центральное место с недавнего времени занимает портрет Евлалии Павловны Казанович (1885–1942). По материалам ее дневников и других архивных документов я подготовила и издала книгу [7]. Удалось не только исправить ошибки в сведениях о ней в разных источниках, но и показать ее важную роль в истории Пушкинского Дома. В далеком 1912 г. академик Нестор Александрович Котляревский пригласил ее на работу в Пушкинский Дом. Как вспоминала через много лет одна из ее бывших коллег, никакого «рабочего аппарата» Пушкинский Дом тогда не имел (как и своего помещения), «кроме Евлалии Павловны, которая совмещала в себе все: начиная с хранителя библиотеки и кончая столяром» [7, с. 36].

Н. Л. Пушкарёва: Хорошо, что речь зашла о тех, на чьих плечах мы стоим. Нам остро необходимо возвращение этих имен. Обязательно! Если не мы, то кто? Есть наша задача сделать так, чтобы о замечательных наших предшественницах в науке и преподавании заговорили. Тогда их судьбы могут стать предметом специальных исследований, непременно

но появятся те, кто заинтересуется их взглядами, особенностями их мироощущения, аксиосферы, их концепциями и напишут о них, может быть, уже специальные исследования. Они смогут проследить, чем отличается женская интерпретация того, о чем писали мужчины – иногда по той же самой теме.

Наша миссия, раз уж мы оказались в гуманитарной сфере и представляем женщин-ученых, которые занимаются изучением истории распространения научного знания, состоит в том, чтобы возвращать потерянные женские имена обратно в науку. Первые женщины-историки (философы, филологи, психологи) совершили свой житейский и научный подвиг уже тем, что готовы были работать подчас безымянно, поддерживая своих мужей, любимых людей, отцов, сыновей. Мы замечаем то же самое среди женщин-художниц, которые помогали своим мужьям практически, а не только вдохновляли их и обеспечивали быт.

Почему редкие женщины-ученые могли работать в науке профессионально, то есть зарабатывать научными занятиями себе на жизнь? Почему в основном они лишь обслуживали мужчин-ученых? Ответ прост: у женщин-ученых не было... жен, то есть лиц, которые бы взяли на себя всю бытовую сторону жизни. Мужчины имели жен, то есть тех, кто обеспечивал их быт, в том числе научный, кто занимался организацией домашней жизни, а мужчинам оставалось лишь сосредоточиться на производстве научного знания. А у женщин такой опции не было.

И нет сейчас.

В этом отличие нашего статуса в науке. Мы не хотим, чтобы наши имена так же забылись, как имена Срезневской и Любименко, Уваровой и многих других научных служанок при известных мужьях. И наша задача поэтому – возвращать в научный дискурс, в наши обсуждения, имена предшественниц, чтобы наши студенты все-таки знали, кого они могут назвать из русских женщин-ученых, кроме Софьи Ковалевской.

Кстати, даже ее сейчас не все знают. Поэтому что, когда мы с тобой учились, ее портрет висел в каждом классе математики и школьники знали, что такая существовала. Но если о Ковалевской хоть кто-то помнит, то назвать

какие-то иные имена, тем более из области философии (допустим имя создательницы теософии Елены Блаватской) или медицины (имя первой русской женщины, получившей докторскую степень по медицине, – Варвары Кашеваровой-Рудневой), не может никто. Почему не попадает в учебники имя Зинаиды Виссарионовны Ермольевой – создательницы крустозина, дешевого варианта пенициллина? Флеминговский вариант был, конечно, известен уже в 1920-е гг., но он очень дорого стоил. А крустозин Зинаиды Ермольевой спас тысячи жизней на фронтах Великой Отечественной, да и в тылу... Тысячи... Почему ее имени нет в учебниках? Какой-то Ферапонт Головатый, который дал деньги на строительство самолета, – есть, из учебника в учебник переходит. Как он был в учебниках в мои юные годы, когда я поступала в университет, так и в годы учебы в МГУ моего сына, вот сейчас внук в этом году поступил... Внук мой Гоша Пушкарёв – это, кстати говоря, четвертое поколение Пушкарёвых, которые будут заканчивать истфак МГУ. Четвертое поколение. И это четвертое поколение тоже не знает имен русских женщин-ученых. Ну как же так?

Отсюда – вопросы социологов. Как вы полагаете, каковы способы проникновения женщин в современную науку? Можете ли вы найти возможности упростить женский путь в этой профессии? Можно ли стать заметными – чтобы на нас ссылались, чтобы нас цитировали, чтобы мы имели возможность получать гранты? Сейчас это еще одна сторона дела, ведь теперь мало написать монографию. Ее можно издать и за свои деньги, допустим, 100 экземпляров – и никто ее не прочтет... А чтобы издать высокой печатью в хорошем издательстве, нужны немалые средства. Вот почему важно, чтобы о женщинах помнили там, где идет «раздача слонов», где можно получать финансы на осуществление научных изысканий. Да, не скрою: я за позитивную дискриминацию, за преференции для женщин, чтобы они чаще попадали в экспертные советы, которые выносят решения по тем или иным проектным заявкам. Не знаю, приходится ли тебе это читать, но на меня как эксперта научно-технической сферы, эксперта ВШЭ и РНФ в последнее время какое-то безумное количество

заявок сыпется ежемесячно. И я с горечью констатирую: руководителями проектов, как правило, бывают мужчины (даже в нашей гуманитарной области, сильно феминизированной), женщины в них – исполнители.

Н. Х. Орлова: У меня есть версия, безусловно, опирающаяся на мой субъективный опыт. Отталкиваюсь от твоей фразы «у женщины-ученой нет жены». Подача заявки, причем с непредсказуемым результатом, она требует все-таки сосредоточенности, времени, а главное, еще нужно психологически себя приготовить к тому, что это время может быть потрачено без положительного результата. А ты его отняла у своих детей, у своих значимых близких людей. В том смысле, что своей заботой нам важно охватить как можно больший круг родных, близких, тех, о ком мы все время думаем. И поэтому я для себя так когда-то и решила, что пока мне хватает на хлеб и на то, чтобы я могла работать в архивах и библиотеках, мне вполне достаточно средств и без гранта. Кроме того, таким образом избавляю себя от неких разочарований гипотетических, потому что я к себе очень хорошо отношусь как к ученому.

Кстати, хочу продолжить тему о возвращении в культурную память, о напоминании научному сообществу, что есть не только мужские имена, есть женские, которые сделали именно уникальные вклады в науку. Наука не только из фундаментальных открытий состоит. Наука состоит из собрания рутинных больших и маленьких интеллектуальных накоплений, она прирастает как раз вот этим. Думаю, что да, одна часть миссионерская – это вернуть в культурную память, в научную память имена забытые, несправедливо забытые. Но мне кажется, что у этой миссии есть еще одна сторона: выработать у современного научного сообщества здоровое привыкание к гендерной нейтральности в сфере рутинного научного труда. Надо сказать, что у нас, женщин, как субъектов научного сообщества тоже нет этого привыкания. Мы тоже скорее цитируем и замечаем мужские имена.

Н. Л. Пушкарёва: К сожалению, часто именно так...

Н. Х. Орлова: Да, и мне кажется, что миссия и в этом заключается, чтобы в современ-

ные учебные программы, в списки рекомендуемой литературы мы активнее включали имена женщин-ученых. Не могу сказать, что это просто, особенно в нашем философском цехе. Например, Семена Франка, как специалиста по Спинозе, непременно упомянут, сославшись на статью 1912 г. «Учение Спинозы об атрибутах» [22], а имя Варвары Половцовой (1877–1936)¹, которая благодаря своим работам тех же лет была признана первым русским спинозистом [12] [13] [21], вряд ли известно широкому кругу даже философствующей публики.

Н. Л. Пушкарёва: Я полностью не только согласна, но и всегда благодарна за включение в списки обязательной литературы женских имен, считаю: пусть будет включено хотя бы одно женское имя. Это так важно!

Важно давать среди книг, которые мы предлагаем, допустим, для коллоквиумов, для прочтения молодежью, не только написанное мужчинами, но и женщинами, на «женские» темы – чтобы поколение, следующее за нами, умело слышать и тихие женские, а не только жесткие, грубые, уверенные в своей правоте мужские голоса. Нужно научить тех, кого мы в научном смысле «выкармливаем», интерпретировать тексты, написанные человеком другого пола. Это необычайно важный навык. Он необходим не только источниковедам, историкам, он пригодится и тем, кто работает в криминалистике (ибо всем исследователям нужно уметь атрибутировать тексты). Это важно и для архивистов, которые имеют дело с обрывочными сообщениями и должны понять, кто это написал, мужчина или женщина, когда нет у аналитика рукописного текста и по внешним признакам невозможно об этом догадаться. Важно это и для психологов, дабы сопоставлять мужскую и женскую систему ценностей, чтобы постоянно принимать в расчет не только все общее, но и различия. И вот поиск этих различий, он необычайно важен. Это понадобится социальным психологам, администраторам, юристам, потому что система ценностей – она различная у мужчин и женщин, и была всегда различной. И вот эти стороны изучения, они (как

¹ Очерк о ней см. в [25].

задача) стоят перед гуманитарным знанием сейчас.

Н. Х. Орлова: Да, кстати, вспомнила одну историю из своей университетской жизни к теме о том, как сегодня функционирует академическое сообщество, как оно замечает и запоминает современную ученую женщину. Как-то, году в 2011–2012, прихожу на занятия и в фойе философского факультета вижу стенды с портретами и биографическими справками «100 знаменитых универсантов». Мне стало интересно, а сколько женских фигур среди этих ста?

Н. Л. Пушкарёва: Это в здании Двенадцати коллегий?

Н. Х. Орлова: Нет, это в здании напротив, где расположены философский и исторический факультеты. Я внимательно изучила все стенды, где были имена и из глубокой истории, когда университет только-только зарождался, и из ближайшей нам современности. Нашла только пять женских имен...

Все пятеро – современницы XX в.: поэтесса Ольга Федоровна Бергольц (выпуск 1930 г.); руководитель протокола президента РФ Марина Валентиновна Ентальцева (выпуск 1984 г.); Судья Конституционного Суда РФ Людмила Михайловна Жаркова (выпуск 1979 г.); президент Литовской республики Даля Грибаускайте (выпуск 1983 г.); олимпийская чемпионка по легкой атлетике Татьяна Васильевна Казанкина (выпуск 1975 г.). Среди них не было имени Екатерины Романовны Дашковой, которая во времена своего директорства (1783–1796) вытаскивала Академию наук из упадка. Впрочем, и многих других славных женских имен на этих стендах я не нашла. В том числе, и имени единственной в истории Петербургского университета женщины-ректора (1994–2008) Людмилы Алексеевны Вербицкой – выпускницы 1958 г.

Н. Л. Пушкарёва: Допустим, Дашкова не была выпускницей университета. Она была президентом, бесспорно, помощницей Екатерины, но не была выпускницей одного из факультетов – но, конечно, разумнее было бы, чтобы ее портрет висел и напоминал студенткам об их возможностях и жизненной перспективе.

Н. Х. Орлова: Безусловно, если универсантами считать только тех, кто поступил в университет и дипломирован, тогда мы не сможем связать с университетом ни одного имени из дореволюционного периода. Бестужевки, где целый корпус блестящих имен, формально не были универсантами. Но они учились по университетским программам у университетских профессоров. Об этом, кстати, я и делала доклад на третьей конференции РАИЖИ в Череповце в 2010 г. [8]. На мой взгляд, мы обязаны в список знаменитых универсанток включать все имена тех, кто внес свой вклад в славу Петербургского университета.

Н. Л. Пушкарёва: Конечно!

Н. Х. Орлова: К слову, выставка «универсантов» спровоцировала (в хорошем смысле) основательнее разобраться с университетской гендерной статистикой. Результаты исследования тоже были представлены на конференции РАИЖИ (Тверь, 2012) в докладе «Университетская доска почета» [11]. Я тогда написала служебный запрос о допуске к работе с внутренними (кадровыми) статистическими ежегодниками. В них есть сведения о награждениях и поощрениях, об ученых степенях. По статистике в профессорско-преподавательском составе университета соблюдался гендерный паритет, приблизительно 50 на 50. Что касается наградных списков, то там доминировали исключительно мужские имена. Редко встречающиеся женские фигуры, как правило, относились к корпусу носителей дополнительных административных статусов и полномочий. К слову, анализ показателей научных степеней и ученых званий дает картину перевернутой пирамиды. В мужской когорте сотрудников с высокими научными статусами на порядок больше, чем в женской когорте.

Н. Л. Пушкарёва: Это все проблема «стеклянного потолка», которая существует в науке, как и в других областях. Студентки у нас превосходят число студентов, среди аспирантов количество женщин все еще чуть-чуть превышает количество мужчин, однако уже среди защищенных кандидатских диссертаций, безусловно, больше созданных мужским пером. Самый толстый «стеклянный пото-

лок» возникает после защиты докторской: женщинам сложнее стать деканами, ректорами, директорами институтов, очень трудно пробиться в число действительных членов и членов-корреспондентов РАН.

Н. Х. Орлова: Да!

Н. Л. Пушкарёва: Мало того, что у нас доктора наук женщины составляют всего лишь 14% от общего числа докторов наук в стране. Главное же, что выше уровня доктора наук женщинам прорваться абсолютно невозможно. У нас более 500 ректоров в стране, но среди них лишь 25% (и это считается много!) ректоры-женщины. И где они ректорствуют? В каких-то далеких-далеких университетах. Маленьких-маленьких. Единственный сравнительно большой – университет МИСиС в Москве, я, кстати, знаю его ректора – это Алевтина Анатольевна Черникова, она помогала мне провести конференцию моей Ассоциации исследователей женской истории. Она молодая, красивая, энергичная, немало преуспевшая и в науке, и во всем. Но таких женщин-ректоров мало.

Еще меньше у нас женщин среди академиков и членов-корреспондентов. Во-первых, после той же Екатерины Романовны Дашковой во главе академий у нас женщин не было. Во-вторых, членкоры женщин тоже все время было не густо. Я упомянула Ольгу Срезневскую, можно назвать другого выдающегося филолога – Ольгу Добиаш-Рождественскую, что же касается иных наук, то до войны женщина-академик была в СССР одна – Лина Соломоновна Штерн, биохимик и физиолог с очень сложной судьбой. Ее арестовывали, она провела много лет в лагере, вернулась и долгие годы скрывала те, вычеркнутые из ее жизни годы, продолжала работать до конца своих дней (а прожила она 90 лет) и делать даже на склоне лет открытия...

Таких женщин, как Л. С. Штерн, у нас, наверное, было немало, но их не пускали на научный Олимп. Вот, скажем, первая в России женщина-академик по историческим наукам – Анна Михайловна Панкратова. Родилась в семье одесского рабочего, окончила университет и Институт красной профессуры в 1920-е, занималась рабочей историей. Ее хвалили, публиковали (как всех, кто занимался рабо-

чей историей), даже дали стать членкором в 1939 г., но выше не продвигали. Время, однако, было известное... И пока не раздался окрик из ЦК КПСС (ну-ка, избрать хотя бы одну женщину-специалиста по рабочей истории!), в академики она не попадала 15 долгих лет.

Другая есть история с женщиной-математиком. Это Пелагея Яковлевна Кочина, события развивались в послевоенные 1940-е. Ей было сказано: мы вас выберем при условии, что вы, став академиком, покинете столицу и уедете в Новосибирск создавать там Сибирское отделение Академии наук СССР. Иными словами, оставляете Москву, увозите в Сибирь всех своих родных, забираете весь скарб и располагаетесь там в одном из легких щитовых домиков, и свою научную школу создаете там, науку продвигаете за Уралом. То есть, едва вставал вопрос о достойной кандидатке в высшие органы управления наукой, тут же появлялись какие-то условия, о которых и слыхом не слыхали мужчины, возникали какие-то соглашения, то есть была совершенно другая механика выборов.

Что мы имеем на данный момент? Женщинам в российской науке как было нелегко существовать, так и сейчас несладко. За весь советский период (1917–1991) в АН СССР было всего 27 женщин-академиков. Женщин в членкоры и академики практически не выбирали – так же, как женщин не выбирали в Политбюро ЦК КПСС.

Ситуация стала меняться в годы перестройки, в 1990-е. Когда я начинала заниматься женской темой, то в своих лекциях обычно сообщала, что женщины-членкоры и академики составляют лишь 4% от общего числа академиков и членкоры в Академии наук. Сейчас ситуация чуть-чуть улучшилась. На 2024 г. мы имеем 5,9% женщин-академиков и 11% женщин-членкоры. Но все равно вдумайся: 90% научного руководства – это мужчины. А у женщин – «стеклянный потолок».

Н. Л. Пушкарёва: При этом женщины-респондентки, если с ними разговаривают женщины-аналитики, отрицают очевидную асимметрию. Они говорят, да как-то так это сложилось уже. Вероятно, это всегда так было и всегда так будет. Это неизменно. И в конечном счете, когда встает вопрос о том, кому до-

верить свои судьбы – на выборах директора, допустим... они голосуют за мужчин.

Я сама принимала участие в выборах на пост директора Института этнологии и антропологии. Не потому, что мечтала «поруководить», а потому что предложили выдвинуться. Я составила программу, успешно рассказала о ней, но в ходе тайного голосования выборы проиграла, потому что женщины хотят подчиняться мужчине. Они хотят слышать распоряжения мужчин. Они находятся во внутренней конкуренции с женщинами, прикидывают: как вот та одета, быстро сопоставляют с тем, как у нее сложилась жизнь. Не дай бог, у нее все благополучно в семье, в профессии, во всем. Ах, она еще начальницей хочет быть? Нет, этого мы допустим, такую во власть не примем.

В конечном счете, для того чтобы изменялась структура управления наукой, чтобы она была более сбалансированной, мы, женщины, должны, как правило, прикладывать в два раза больше усилий, чтобы достичь чего-то – быть более компетентными, более дружелюбными, более готовыми вступать в неформальные связи с министерствами, «выбивая» деньги, в поисках финансирования для своих подразделений, центров, проектов и так далее. Женщине надо быть гораздо активнее и заметнее и при этом социально компетентнее, тоньше в размышлениях и мудрее мужчины – только в этом случае ей суждено куда-то пробиться.

Н. Х. Орлова: Наташа, а можно... я с тобой не соглашусь?

Н. Л. Пушкарёва: Что не так?

Н. Х. Орлова: Понимаешь, тот набор стратегий, который ты перечислила, да, действительно, он весьма эффективный. И дает возможность увеличить присутствие женщин в верхних эшелонах. Другое дело, что для этого надо категорически совпасть смыслами. Если исходить из твоего утверждения, что мужчины и женщины представляют разные ценностные миры, то женщине придется отказать от своего. И в этих координатах мы решаем для себя: становиться или нет агрессивным игроком (не агрессивным не получится), чтобы участвовать в жесткой конкуренции за административную позицию, вы-

сокий рейтинг цитирования, номенклатурный статус. Система достижения «вершин» функционирует по своим правилам. Чтобы там быть, надо по ним играть. Но тогда мы говорим не о женских ценностях, не об этом ценностном мире. И вообще, я бы поспорила с устоявшимся мнением, что к агрессивным стратегиям чаще склонны мужчины. Более того, как дипломированный и практикующий психолог накопила достаточно наблюдений, чтобы уверенно говорить о доминировании женской агрессивности. То есть мы здесь попадаем в некое противоречие. Конечно, каждый и каждая из нас вправе самим решить, на что потратить время жизни. Кто-то больше мотивирован на некую кабинетную творческую деятельность, веря в возможность сделать мир прекрасным и гармоничным силой своего ума. Да, это идеальный проект. Слава богу, сегодня еще не вымерли эти «мамонты» – идеалисты и идеалистки. Но ты права. Права в том смысле, что если не использовать агрессивные стратегии, то ситуация с гендерной асимметрией в ученом сообществе вряд ли радикально изменится в ближайшей перспективе. Здесь уже женщине решать, какими стратегиями достигать желанных для нее статусов. Впрочем, перед таким выбором порой стоит и мужчина-ученый.

Н. Л. Пушкарёва: Я полностью согласна и хочу как раз обратить внимание, однажды в Вестнике Санкт-Петербургского университета я опубликовала статью про женщин-политиков и их семейный статус [14], по сути, это было размышление о «плате» женщин за социальную активность – а платой этой является малодетность или даже бездетность. А что же в науке, не так же? Мы здесь видим ту же самую картину. Детность семей женщин-профессоров, докторов наук очень невелика. Чаще всего у них всего один-два ребенка...

Н. Х. Орлова: Ну, это общая статистика, характерная для европейских семей. Не важно, ученых или представителей иных профессий. Демографическим переходом с его низкой рождаемостью, малодетностью и депопуляцией я занималась много в рамках первой диссертации¹.

¹ Подробнее см.: [6] [10] [26].

Н. Л. Пушкарёва: А я бы уточнила: статистика европейской части нашей страны. Потому что все-таки на Кавказе и в ряде других областей страны многодетность традиционна, там есть доктора наук женщины, родившие трех и более детей. И там иное отношение к материнству [17]. Моя коллега из Нальчика, Мадина Анатольевна Текуева, профессор, заведующая кафедрой в Кабардино-Балкарском государственном университете, родила и воспитала троих, причем одна из дочерей – уже кандидат наук (а будет и профессором, я уверена). Но для России в целом три, а тем более четыре ребенка в семье женщины-профессора, доктора наук – большая редкость.

Н. Х. Орлова: Редкость, да... Но малодетность в принципе общая тенденция для современных демографических процессов.

Н. Л. Пушкарёва: С одним-двумя детьми женщина вполне может продвинуться на уровень доктора наук и профессора. Но чтобы иметь больше детей, у нее должен быть «кормилец» – муж-бизнесмен или муж-академик (кстати, за звание – доцента, профессора, членкора или академика – платят только в нашей стране!). То есть бюджет для найма помощниц. Так в итоге сложилось в семье Келдышей: доктор физико-математических наук Людмила Васильевна Келдыш (сестра академика М. В. Келдыша) была матерью пятерых детей, причем двое из них, сыновья, сами стали впоследствии академиками (а дочери, кстати сказать, научных амбиций не воспитали в себе).

Когда семья мощно финансово обеспечена, жилье имеется (брат Людмилы Васильевны уступил ей коттедж в Жуковском), то все вопросы бытовые как-то уж решаются, можно нанять, например, помощника в домашних делах. И тогда женщина тоже может и в научном отношении продвинуться, и что-то успеть по дому, и как мать состояться.

И если известный советский поэт хотел, «чтоб к штыку приравняли перо», то я хочу, чтобы материнский долг приравняли к герою. Женщины-ученые, которые – помимо того, что написали диссертации, – еще и детей воспитывают, и, что для нас важно, внуков, отдают также время и силы своим постаревшим

родителям (уход за пожилыми опять-таки гендерно специфичен) – они должны быть замечены и отмечены. Бабушки и старшее поколение родственников – это структурное понятие в наших российских семьях. Мы не выпихиваем детей в возрасте 17 лет со словами «Живи отдельно, как хочешь, я тебе готов финансово чем-то помочь по мелочи, но ты должен сам себя содержать и продвигаться по жизни». Нет, у нас совершенно другие традиции. У нас мамы, неважно, профессора они или просто доценты, или ниже, они же будут помогать своим детям на всем протяжении их взросления, да и дальнейшей жизни – и после женитьбы, замужества, и в связи с рождением детей. Мы не выдворяем подросших детей – и мы не выпихиваем старших родственников в дома престарелых (мол, там будет за вами должный уход), потому что у нас, россиян, есть традиция ответственности за тех, кто нас воспитал и кто нам отдавал свои здоровье и силы. Мы помогаем им сами (какой бы статус у нас, женщин-ученых, ни был), не нанимая до последнего сиделок, мы помогаем нашим старшим сохранять продуктивность, активность, заботимся в случае болезни.

Вот почему я была со своим одиноким по жизни учителем Игорем Семёновичем Коном до последнего его вздоха, мы были с Тёмой все время рядом с ним. Добавлю, что он был сердечно благодарен и тебе, Наденька, за то, что ты (уже незадолго до его ухода) на своем автомобиле провезла его по родным для него местам в Питере и пригородах. Он об этом вспоминал: «Это всё Надя...».

...Да, у каждой из нас свои заботы. Но современные женщины-ученые в нашей стране – они героини уже по тому образу жизни, который ведут без выходных (ибо работа у них сливается с отдыхом и досугом), по тем житейским практикам, которые они реализовали. И я бы хотела, чтобы эту значимость понимали те мужчины-ученые, которые столько многого (если не всего) достигли и которые руководят нашей наукой, определяют для всех нас приоритетность тех или иных тем и выстраивают иерархии значимости.

Н. Х. Орлова: А можно добавлю? Я много занималась феноменом отцовства. Тема

выросла, как это часто бывает, из частных историй моих родных. Из этого, я бы сказала, травматичного опыта состоялись и доклады на конференциях, и публикации, посвященные юридическим защита отцовства и феномену агрессивного материнства.

Мне кажется, что это еще одна проблема, которую современное общество пока не ставит на повестку дня, не замечает ее важности. Все-таки отцовство должно быть не только формально – в тексте Конституции – уравнено с материнством. Само общество должно признавать, что отцовская родительская функция имеет такую же плотность и напряженность, что и материнская. Возможно, если в культуре сформируется фигура отца не как вторичная, а порой просто формально донорская, тогда уравниваются и степени свободы обоих родителей в момент включения в их жизненный план занятий научной деятельностью. Пожалуй, наука, как и родительство, запрашивает от нас бесконечной преданности, ответственности, сосредоточенности, веры в свое дело, бескорыстного служения.

Вот мы и приблизились к пафосному вопросу: в чем смысл и подвиг ученого?

Н. Л. Пушкарёва: Подвиг женщины-ученой – прежде всего в его комплексности. Женщина жертвует собой, своим временем для личностного роста, для досуга и отдыха, выполняя материнский, родительский долг в семье. У нас же такая традиция, считается, что каждая женщина просто должна быть мамой, просто должна родить, должна воспитать – это ее женская работа, обязанность, раньше бы сказали: социалистическая обязанность советской женщины.

Так вот, подвиг женщины-ученой не только в том, чтобы выполнить материнскую и воспитательную функции, но и найти способ выразить себя в научных трудах, сделать так, чтобы они были прочитаны, замечены хотя бы ближним кругом коллег в институтах или в вузах. Женщины-ученые, успевающие и то, и это, – они уже вносят вклад в культуру страны, дают пример следующим поколениям. На сложившиеся образцы (если о них, конечно, не забывать) опираются потом наши собственные дети и наши дети научные, птен-

цы наших научных гнезд – аспиранты и докторанты, которых мы готовим.

Н. Х. Орлова: Я с тобой согласна. Наташа, а как ты считаешь, ученый должен быть патриотом?

Н. Л. Пушкарёва: Каждая женщина-ученая в нашей стране (даже не задумываясь на тему патриотизма) уже вносит вклад в будущее своей Отчизны, уже защищает ее интересы и сохраняет уникальность культуры и традиций для последующих поколений. Я уверена, во всяком случае, я чувствую – говоря словами В. Маяковского, – что и мой, и твой «труд вливается в труд моей республики». Я считаю, что патриотизм – это наша связанность с нашими корнями, с нашей традицией, связанность с ними и понимание их. А у каждого человека это понимание и объяснение, экспликация, могут быть свои. Мы должны уважать взгляды любого человека. Согласна ли?

Н. Х. Орлова: Согласна! Верно и преданно служа своему делу, мы таким образом служим и своей культуре, своему народу, и своим потомкам. В этом смысле и наши аспиранты – они тоже как наши собственные дети... Мы и в них вкладываемся своим служением. И, конечно же, прививая любовь к своему делу, ответственность, добросовестность, веру в идеал, мы патриотичны.

Н. Л. Пушкарёва: Я тоже верю, что все птенцы из нашего научного гнезда когда-то расправят крылья и понесут наши идеи, наши взгляды дальше в следующие поколения.

Они наши посланники в века...

Н. Х. Орлова: ...Как я рада, что нам удалось пообщаться, что мы выкроили из нашего служения не только минуты, но даже этот час. Надеюсь, что совпаду с тобой, если пожелаю нам встреч, как сегодня говорят, очных. Вот тогда наши глаза смогут передать всю полноту сердечной дружбы, в некоторой степени – родства по свойству служения науке, по идейной и душевной близости, сложившейся между нами за многие годы. Безмерно тебе за это благодарна!

Н. Л. Пушкарёва: Спасибо, Наденька, за то, что дала повод выговорить многое, о чем думалось. Жду тебя в Москве, тем более что дом мой ты знаешь, раз бывала у И. С. Кона.

Natalia L. PUSHKAREVA

Dr. Sci. (Ethnography, Ethnology and Anthropology), Prof.,
N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
pushkarev@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6295-3331

Nadezda Kh. ORLOVA

Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology
and Philosophy of Culture), Prof.,
Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory,
Saint Petersburg, Russian Federation;
Educational Center "Humanitarian Urbanistics",
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russian Federation
nadinor@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3956-9574

***Kinship by Service to Science: About the Life
of the Academic Community (Conversation between
Natalia Pushkareva and Nadezhda Orlova)¹***

The conversation was recorded on November 7, 2024

Abstract. The dialogue between two representatives of the contemporary academic community addresses a wide range of issues related to the role of women in science, the functioning of the scientific community from a gender perspective, historical memory, and the personal experiences of scholars. A central theme is gender asymmetry in academia: it is noted that research by women is cited less frequently, and female scholars remain overshadowed by male names even in feminized humanities disciplines. Examples of overlooked scholars – Olga Sreznevskaya, Klavdiya Florovskaya, Evlaliya Kazanovich – illustrate the systemic neglect of women's contributions, known only to a narrow circle of specialists. The interlocutors emphasize that the reputation of one's academic mentor can significantly influence access to social mobility mechanisms within the scientific field. They stress the necessity of integrating women's names into academic curricula and scholarly works to overcome entrenched stereotypes. Both participants agree on the importance of restoring the cultural memory of "scientific handmaidens" of the past, highlighting that scientific progress relies not only on major discoveries but also on routine labor, often overlooked. The discussion touches on balancing scientific careers with family responsibilities: the interlocutors observe that female doctoral candidates more frequently have one child, while raising multiple children requires substantial financial support. They note the need to reinterpret the role of fatherhood to balance parental duties. Cultural traditions are also addressed: it is emphasized that in Russia, women predominantly bear responsibility for elderly care, further limiting their time for scientific work. Special attention is given to Igor Semyonovich Kon (1928–2011), a leading scholar in Russian humanities, Doctor of Philosophical Sciences, and Academician of the Russian Academy of Education. In the professional lives of both participants, Kon played a significant role as a colleague, mentor, and informal teacher, exemplifying academic integrity, diligence, and ethical conduct. His role in fostering their professional collaboration is underscored. The dialogue concludes by addressing the patriotism of academic representatives: by faithfully serving science, knowledge, and ideals, scholars simultaneously serve their students, their people, and their homeland. The conversa-

¹ The text is published as part of the Russian Science Foundation project # 24-78-10005 "The Female Voice of Russian Science"

tion reflects not only academic debates but also personal experiences, demonstrating how scientific courage, ethics, and the continuity of ideas form the foundation for re-evaluating women's contributions to science.

Keywords: Igor Kon, Russian science, scientific community, gender studies, gender asymmetry, patriotism, Russian Academy of Sciences, Russian Association of Women's History Researchers.

Использованная литература:

1. Женская и гендерная история Отечества: новые проблемы и перспективы / Отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. // Материалы Всерос. науч. конф. Рос. ассоциации исследователей жен. истории и Ин-та этнографии и антропологии Рос. акад. наук (Петрозаводск, 19–21 июня 2009 г.). М.: Ин-т этнографии и антропологии Рос. акад. наук, 2009. 117 с.
2. Жеребкина И. А. Гендерные 90-е. СПб.: Алетея, 2003. 256 с.
3. Клавдия Флоровская: Письма к братьям Георгию и Антонию Флоровскому / ред. и подгот. Л. Киейзик, Н. Орлова. Зелена Гура: Uniwersytet zielonogórski, 2019. 286 с.
4. Милорадович К. М. У меня есть моя истина... Избранное / сост., ред., вступ. ст. и примеч. Н. Х. Орловой; примеч. А. В. Вострикова. СПб.: Парадигма, 2020. 198 с.
5. Орлова Н. Х., Востриков А. В. Ксения Милорадович: судьба, письма, творчество: в 2 ч. 1: Хроника жизни в документах и письмах. СПб.: Парадигма, 2018. 196 с.
6. Орлова Н. Х. Демографические тенденции в российской семье на рубеже XX–XXI вв. // Проблемы социально-экономической и политической модернизации в России. СПб.: Клио, 2001. С. 160–168.
7. Орлова Н. Х. Дневник одного живого существа: Из жизни бестужевки. СПб.: Парадигма, 2018. 174 с.
8. Орлова Н. Х. Женщина в Санкт-Петербургском университете: история и современность // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы III Междунар. науч. конф. Рос. ассоциации исследователей жен. истории и Ин-та этнографии и антропологии Рос. акад. наук (Череповец, 1–3 нояб. 2010 г.). М.: Ин-т этнографии и антропологии Рос. акад. наук, 2010. Т. 2. С. 133–139.
9. Орлова Н. Х. Семья как объект социально-философского исследования: Эволюция семейных отношений на рубеже XX–XXI столетий: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб.: б.и., 2000. 24 с.
10. Орлова Н. Х. Тенденции автономизации сексуальных, репродуктивных и брачных практик // Демографическое развитие России в XXI веке: стратегический выбор и механизмы осуществления: материалы науч.-практ. конф. (Москва, 9–10 июня 2006 г.). М.: Ин-т социал.-полит. исслед. Рос. акад. наук, 2006. С. 108–117.
11. Орлова Н. Х. Университетская доска почёта // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы V Междунар. науч. конф. Рос. ассоциации исследователей жен. истории (Тверь, 4–7 окт. 2012 г.) / отв. ред. А. В. Белова, Н. Л. Пушкарёва. М.: Ин-т этнографии и антропологии Рос. акад. наук, 2012. Т. 1. С. 315–318.

References:

1. Pushkareva, N.I. (ed.) (2009) *Zhenskaya i gendernaya istoriya Otechestva X–XX vv.: novye problemy i perspektivy* [Women's and Gender History of the Fatherland in the 10th–20th Centuries: New Problems and Prospects]. Proceedings of the All-Russian Conference of the Russian Association of Women's History Researchers and the Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Sciences. Petrozavodsk. 19–21 June 2009. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. 117 p.
2. Zherebkina, I.A. (2003) *Gendernye 90-e* [Gender-centered 90s]. St. Petersburg: Aleteya. 256 p.
3. Kiejzik, L. & Orlova, N. (eds) (2019) *Klavdiya Florovskaya: Pis'ma k brat'yam Georgiyu i Antoniyu Florovskomu* [Letters to the Brothers George and Anthony Florovsky]. Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski. 286 p.
4. Miloradovich, K.M. (2020) *U menya est' moyaya istina... Izbrannoe* [I Have My Truth... Selected Works]. St. Petersburg: Paradigma. 198 p.
5. Orlova, N.Kh. & Vostrikov, A.V. (2018) *Kseniya Miloradovich: sud'ba, pis'ma, tvorchestvo: v 2 ch. [Kseniya Miloradovich: Fate, Letters, Oeuvre: In 2 Parts]. Part 1*. St. Petersburg: Paradigma. 196 p.
6. Orlova, N.Kh. (2001) *Demograficheskie tendentsii v rossiyskoy sem'e na rubezhe XX–XXI vv.* [Demographic Trends in the Russian Family at the Turn of the 21st Century]. In: *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy modernizatsii v Rossii* [Problems of Socio-Economic and Political Modernization in Russia]. St. Petersburg: Klio. pp. 160–168.
7. Orlova, N.Kh. (2018) *Dnevnik odnogo zhivogo sushchestva: Iz zhizni bestuzhevki* [Diary of a Living Creature: From the Life of a Bestuzhev Courses Girl]. St. Petersburg: Paradigma. 174 p.
8. Orlova, N.Kh. (2010) [Women at St. Petersburg University: History and Modernity]. *Zhenskaya istoriya i sovremennye gendernye roli: pereosmyslivaya proshloe, zadumyvayas' o budushchem* [Women's History and Modern Gender Roles: Rethinking the Past, Thinking About the Future]. Proceedings of the Third International Conference of the Russian Association of Women's History Researchers and the Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Cherepovets. 1–3 November 2010. Vol. 2. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. pp. 133–139. (In Russian).
9. Orlova, N.Kh. (2000) *Sem'ya kak ob'ekt sotsial'no-filosofskogo issledovaniya: Evolyutsiya semeynykh otnosheniy na rubezhe XX–XXI stoletiy* [Family as an Object of Social and Philosophical Research: Evolution of Family Relations at the Turn of the 21st Century]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg. 24 p.

12. Половцова В. Н. К методологии изучения философии Спинозы // Вопросы философии и психологии. 1913. Кн. 3 (118). С. 317–398.
13. Половцова В. Н. Обзор книги: St. v. Dunin-Borkowski, S. J. Der junge de Spinoza. Leben und Werdegang im Lichte der Weltphilosophie... // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 5 (105). С. 325–332.
14. Пушкарёва Н. Л. Возраст, количество детей и активность женщин в российской политике // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 1. С. 226–241. DOI: 10.21638/spbu02.2023.113.
15. Пушкарёва Н. Л. Женщина в русской семье X – начала XIX в.: динамика социокультурных изменений: дис... д-ра ист. наук. М.: б.и., 1997. 354 с.
16. Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
17. Пушкарёва Н. Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47–59.
18. Пушкарёва Н. Л. Российское женское движение 1812–2020 гг. (социальный состав, цели, достижения) // Женская активность: история и современность. Махачкала: АЛЕФ; Дагест. гос. ун-т нар. хоз-ва, 2021. С. 16–24.
19. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
20. Пушкарёва Н. Л. Этнография восточных славян в зарубежных исследованиях (1945–1990). СПб.: Рус.-балт. информ. центр «БЛИЦ», 1997. 333 с.
21. Спиноза Б. Трактат об очищении интеллекта и о пути, наилучшим образом ведущем к истинному познанию вещей / Пер. с латин., предисл., введ. и примеч. В. Н. Половцовой. М.: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1914. 188 с.
22. Франк С. Учение Спинозы об атрибутах // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 4 (114). С. 523–567.
23. Юлия Махновец: Трудный век жизни в письмах и документах / ред., сост., коммент. Н. Орловой, Л. Кийзик. Зелена Гупа: Uniwersytet zielonogórski, 2021. 163 с.
24. Kiejzik L., Orłowa N. Drugi plan, czyli kobiety w filozofii rosyjskiej. Losy – twórczość – działalność: Monografie. Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski, 2021. 267 с.
25. Kiejzik L., Orłowa N. Kobiety w filozofii rosyjskiej. Filozofowie rosyjscy o kobietach (ciąg dalszy esejów subiektywnych). Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski, 2021. 256 с.
26. Orlova N. The Demographic Tendencies in the Contemporary Russian Family // European Population Conference “European Populations: Challenges and Opportunities” (Warsaw, 26–30 August, 2003). Book of abstracts. Warsaw; Warsaw School of Economics, 2003. P. 155.
27. Pushkareva N. Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century. Armonk (New York); London: M. E. Sharpe, 1997. xvi, 319 p.
28. Orlova, N.Kh. (2006) [Trends in the Autonomization of Sexual, Reproductive, and Marital Practices]. *Demograficheskoe razvitie Rossii v XXI veke: strategicheskii vybor i mekhanizmy osushchestvleniya* [Demographic Development of Russia in the 21st Century: Strategic Choice and Implementation Mechanisms]. Proceedings of the Conference. Moscow. 9–10 June 2006. Moscow: Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences. pp. 108–117. (In Russian).
29. Orlova, N.Kh. (2012) [University Honor Board]. *Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen* [Women and Men in the Context of Historical Change]. Proceedings of the Fifth International Conference of the Russian Association of Women's History Researchers. Tver. 4–7 October 2012. Vol. 1. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. pp. 315–318. (In Russian).
30. Polovtsova, V.N. (1913) K metodologii izucheniya filosofii Spinozy [On the Methodology of Studying Spinoza's Philosophy]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 3 (118). pp. 317–398.
31. Polovtsova, V.N. (1910) Obzor knigi: St. v. Dunin-Borkowski, S. J. Der junge de Spinoza. Leben und Werdegang im Lichte der Weltphilosophie... [Book Review: St. v. Dunin-Borkowski, S. J. Der Junge de Spinoza. Life and Work in the Literature of Weltphilosophy...]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 5 (105). pp. 325–332.
32. Pushkareva, N.L. (2023) Age, Number of Children and Activity of Women in Russian Politics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 68 (1). pp. 226–241. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu02.2023.113
33. Pushkareva, N.L. (1997) *Zhenshchina v russkoy sem'e X – nachala XIX v.: dinamika sotsiokul'turnykh izmeneniy* [A Woman in a Russian Family of the 10th – Early 19th Centuries: Dynamics of Sociocultural Changes]. History Dr. Diss. Moscow. 354 p.
34. Pushkareva, N.L. (1989) *Zhenshchiny Drevney Rusi* [Women of Ancient Rus']. Moscow: Mysl'. 286 p.
35. Pushkareva, N.L. (1999) Materinstvo v noveyshikh filosofskikh i sotsiologicheskikh kontseptsyakh [Motherhood in the Latest Philosophical and Sociological Conceptions]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. pp. 47–59.
36. Pushkareva, N.L. (2021) Rossiyskoe zhenskoe dvizhenie 1812–2020 gg. (sotsial'nyy sostav, tseli, dostizheniya) [Russian Women's Movement of 1812–2020 (Social Composition, Goals, Achievements)]. In: *Zhenskaya aktivnost': istoriya i sovremennost'* [Women's Activity: History and Modernity]. Makhachkala: ALEF; Dagestan State University of People's Economy. pp. 16–24.
37. Pushkareva, N.L. (1997) *Chastnaya zhizn' russkoy zhenshchiny: nevesta, zhena, lyubovnitsa (X – nachalo XIX v.)* [Private Life of a Russian Woman: Bride, Wife, Mistress (10th – Early 19th Centuries)]. Moscow: Ladomir. 381 p.
38. Pushkareva, N.L. (1997) *Etnografiya vostochnykh slavyan v zarubezhnykh issledovaniyakh (1945–1990)* [Ethnography of the Eastern Slavs in Foreign Studies (1945–1990)]. St. Petersburg: Rus.-balt. inform. tsentr “BLITs”. 333 p.
39. Spinoza, B. (1914) *Traktat ob ochishchenii intellekta i o puti, nailuchshim obrazom vedushchem k istinnomu poznaniyu veshchey* [Treatise on the Emendation of the Intel-

lect]. Translated from Latin by V.N. Polovtsova. Moscow: Tipolito-gr. T-va I.N. Kushnerev i K. 188 p.

22. Frank, S. (1912) *Uchenie Spinozy ob atributakh* [Spinoza's Theory of Attributes]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 4 (114). pp. 523–567.

23. Orlova, N. & Kiejzik, L. (eds) (2021) *Yuliya Makhnovets: Trudnyy vek zhizni v pis'makh i dokumentakh* [Yulia Makhnovets: The Difficult Age of Life in Letters and Documents]. Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski. 163 p.

24. Kiejzik, L. & Orłowa, N. (2021) *Drugi plan, czyli kobiety w filozofii rosyjskiej. Losy – twórczość – działalność: Monografie*. Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski. 267 p.

25. Kiejzik, L. & Orłowa, N. (2021) *Kobiety w filozofii rosyjskiej. Filozofowie rosyjscy o kobietach (ciąg dalszy esejów subiektywnych)*. Zielona Góra: Uniwersytet zielonogórski. 256 p.

26. Orlova, N. (2003) The Demographic Tendencies in the Contemporary Russian Family. *European Population Conference "European Populations: Challenges and Opportunities"* (Warsaw, 26–30 August, 2003). Book of abstracts. Warsaw: Warsaw School of Economics. p. 155.

27. Pushkareva, N. (1997) *Women in Russian History from the Tenth to the Twentieth Century*. Armonk (New York); London: M. E. Sharpe. xvi, 319 p.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Пушкарева, Н. Л. Родство по свойству служения науке: о жизни академического сообщества (беседа Натальи Пушкаревой и Надежды Орловой) / Н. Л. Пушкарева, Н. Х. Орлова. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2024.40.4.003 // Наследие веков. – 2024. – № 4. – С. 42–60. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/670/538> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Pushkareva, N.L. & Orlova, N.Kh. (2024) Kinship by Service to Science: About the Life of the Academic Community (Conversation between Natalia Pushkareva and Nadezhda Orlova and). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 4. pp. 42–60. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.003